

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ХРАМЫ В ЗАПИСКАХ ИНОСТРАНЦЕВ

Часть 3

ПРИДВОРНАЯ КАПЕЛЛА

Императорская певческая капелла была основана еще в XVIII веке. Первоначальной целью ее деятельности было обучение хора для дворцовой церкви. «Эти певчие заменяют собой орган или другие музыкальные инструменты, так как последние из всех греко-российских церквей изгнаны, — писал немецкий автор, побывавший на придворном богослужении в 1781 году. — Певчих было около 40 числом, на каждой стороне алтаря по половине; они пели поочередно и вместе. Они все были одинаково одеты в сукно цвета печени (Leberfarbe), обшито золотом, только с той разницей, что покрой платья маленьких певчих приближался скорее к народной одежде (то есть в верхнем платье с узкими рукавами, ремнем подвязанном). Взрослые, однако, носили платье на немецкий образец»¹.

«Отечественные записки», 1823: «Ежегодно из казны выдается каждому певчому к празднику св. Пасхи одна полная пара цветного платья (малинового цвета), большим — немецкого, а малолетним — малороссийского покроя с галунами; а другая траурная — бессрочно; в сем мундирном одеянии они отправляют свою должность в назначенные дни и в назначенных местах по повесткам, получая для сего и придворные экипажи»².

О внешнем виде певчих упоминает также Теофиль Готье; костюм их почти не изменился, хотя между этими двумя записями лежит почти восемь десятилетий: «Певчие в парадных одеждах из бархата с золотыми галунами сопровождали службу и с чудесной точностью русских хоров подхватывали гимны, в которых можно было бы отыскать многие мелодии утерянных старинных греческих музыкальных тем»³. Приведенные сообщения можно дополнить сведениями, содержащимися в записках одного из членов депутации Мальтийского ордена ко двору Павла I. «Существуют несколько шелковых мануфактур в Петербурге и особенно в Москве, — пишет один из рыцарей-

---

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монастыре митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Екатерина Великая по рассказам современника-немца (1788) // Русский архив, 1911, № 7. С. 331.

² Придворная певческая капелла // Отечественные записки, 1823, № 14. С. 427—428.

³ Готье Теофиль. Путешествие в Россию. М., 1988. С. 88.

мальтийцев. — Самая значительная в Петербурге имеет не более 60 станков, из которых 29 заняты приготовлением церковной утвари для императорского двора. Эта мануфактура выписывает свой шелк, вполне обработанный, из Берлина»⁴.

Православные песнопения, исполнявшиеся во дворцовой церкви, нередко производили большое впечатление на иностранных гостей; по словам Иоахима Штернберга — немецкого путешественника, побывавшего в Петербурге в 1792—1793 годах, «пение двух хоров певчих часто прерывается возгласием архиепископа. Это пение проникает до глубины души: невольно чувствуешь благоговение и побуждение к прославлению Высочайшего Существа»⁵.

К этому же времени относятся записки другого немецкого автора — И.-Г. Георги, в 1770 году приехавшего в Россию и обосновавшегося в Петербурге. Георги с восхищением отзывается о традициях церковного песнопения: «Богослужение получает чрез священнодействие многочисленного и знатного духовенства, чрез великолепие церквей и церковных украшений, чрез возвышающее духовное пение в главных церквах, а наипаче в придворной, в церкви Александро-Невского монастыря и Казанской Богоматери великолепие и отменную торжественность»⁶. Характерно, что среди столичных храмов немецкий автор особо выделяет дворцовую церковь; вот еще одно упоминание о ней: «Во всех почти церквах имеются певчие, отборные по большей части из малороссиян, в придворной же церкви есть собственные для певчих композиты, или музыкосочинители, и наставники»⁷.

С историей придворной певческой капеллы неразрывно связана деятельность первого ее директора — Дмитрия Степановича Бортнянского (1751—1825). Бортнянский поступил в придворный певческий хор в семилетнем возрасте. На будущую музыкальную деятельность подростка большое влияние оказал приезд в Петербург итальянца Бальдассаре Галуппи, назначенного придворным оперным балетным композитором и капельмейстером. Любопытно, что одна из опер Галуппи упоминается А. С. Пушкиным в стихотворении «Калмычке»:

Не распевашь: Ma dov'e,
Галоп не прыгаешь в собранье...⁸

Бортнянский начал серьезно обучаться музыке у Б. Галуппи. Когда же маэстро покинул Россию в 1768 году, юноша был отправлен за границу для продолжения у него в Венеции музыкального образования. Во Флоренции, Болонье, Риме, Неаполе Бортнянский изучал сочинения итальянских мастеров. В 1779 году он возвратился в Петербург, где уже первые его сочинения произвели большое и благоприятное впечатление при дворе. Бортнянский становится «композитором придворного певческого хора». Наконец в 1796 году в связи с учреждением придворной капеллы он стал первым ее управляющим и получил звание «директора вокальной музыки». В этой должности он и оставался до самой своей кончины.

«Отечественные записки», 1823: «Кому не известны из здешних жителей и даже иностранцев сии концерты? Они восхищают искуснейших музыкантов и даже арти-

⁴ Баварец о России // Русская старина, 1899. Т. 100, октябрь. С. 72.

⁵ Русский двор в 1792—1793 годах. Заметки графа Штернберга (1792 и 1793 гг.) // Русский архив, 1880. Т. 3. С. 262.

⁶ Георги И.-Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 274.

⁷ Там же. С. 273—274.

⁸ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Ч. 1. М., 1948. С. 19. Речь идет об опере Б. Галуппи «Покинутая Дидона». «Madov'e» — ария из третьего акта. — *Примеч. авт.*

стов, не принадлежащих к нашей Церкви. Славная Каталани растрогана была оным до слез и во время своего здесь пребывания предложила придворным певчим безденежный вход для слушания ее концертов: признательность, достойная высоких дарований сей певицы и лестная для умевших доставить наслаждение такой музыкальной душе? При всем том сии концерты суть ничто иное как главная проба домашних упражнений в распевании сочинений, написанных для пения в Высочайшее присутствие в церквах Зимнего и загородных дворцов. Таковая проба производится под руководством директора хора г. действ. стат. советника *Дмитрия Степановича Бортнянского*, сочинителя большей части оных концертов и преобразителя сего хора, которому он, продолжая сам в нем из детства служение свое при Высочайшем Дворе уже около 65 лет, доставил нынешнюю славу и положил продолжению оной на будущее время прочное основание. <...> В концертах придворного хора под управлением самого сочинителя церковное пение поражает необыкновенной своей силой слух и самых иностранцев, хотя, неразумяющих слов, выражаемых мелодией, но восхищающихся и одними изменениями голоса, как бы волшебством обращаемого в общепонятный язык для каждого человеческого сердца, умеющего чувствовать изящное»⁹.

У маркиза де Кюстина имеется целый небольшой исторический экскурс, посвященный прошлому придворной капеллы. По его словам, в середине XVIII столетия, «когда итальянская школа находилась еще во всем своем блеске, древние греческие напевы были переделаны без искажения их нарочно выписанными из Рима в Петербург композиторами; эти иностранцы создали шедевр, потому что их ум и все их искусство были склонны уважать творение древности»¹⁰. Действительно, при Екатерине II в Россию руководить итальянской оперой были приглашены два известных итальянских композитора — Сарти и Галуппи, которые также сочиняли многочисленные песнопения для Православной церкви на славянские тексты в стиле итальянской оперы. Этим они внесли в русскую церковную музыку совершенно новый элемент¹¹.

«*Отечественные записки*», 1823: «При блаженной памяти государыне Екатерине II вошло в употребление Церкви нашей новейшее итальянское пение. Важная перемена сия произведена была музыкой *Рачинского*, капельмейстера графа Кирилла Григорьевича Разумовского, которую привез из Малороссии Г. Н. Теплов, бывший сам хорошим музыкантом. Разность сей музыки была столь ощутительна, что Екатерина приказала сначала петь ее только при Дворе, дабы приучить постепенно слух публики к итальянскому вкусу. От сей эпохи можно считать и сочинителей правильных вокальных концертов. Первым из них был *ГалуниБурanelли*; некоторые из его сочинений и доселе употребляются, как то: *Слава Отцу и Сыну и Св. Духу*, и *Благообразный Иосиф*. Ему наследовал *Манфредини*, потом *Траетта*, *Еропкин* (любитель музыки), *Березовский*, *Сарти* и наконец *г. Бортнянский*, обогативший церковную музыку нашу истинными сокровищами»¹².

Маркиз де Кюстин смог лично убедиться в большом влиянии итальянской школы на православное пение; он признает, что плоды предпринятого начинания оказались достойными замысла: «Голоса сопранов, то есть детей, потому что ни одна женщина не входит в состав Императорской капеллы, поют совершенно правильно; басы сильны, густы и чисты. Я не помню, чтобы слышал прежде что-нибудь подобное»¹³. «Русский народ музыкален; в этом нельзя сомневаться, услышав его церковное пение»¹⁴ —

⁹ Придворная певческая капелль // *Отечественные записки*, 1823, № 14. С. 420—421, 426.

¹⁰ Записки французского путешественника Кюстина // *Русская старина*, 1891, январь. С. 170.

¹¹ См.: Маркиз де Кюстин. *Николаевская Россия*. М., 1990. С. 263. Примеч. 43.

¹² Придворная певческая капелль // *Отечественные записки*, 1823, № 14. С. 424.

¹³ Записки французского путешественника де Кюстина // *Русская старина*, 1891, январь. С. 170.

¹⁴ Там же.

таков итог наблюдений де Кюстина, с благоговением присутствовавшего на придворном богослужении: «Во время молебна, в момент, когда один хор отвечает другому, растворяются царские врата и видны священники в их блистающих драгоценными камнями одеяниях, на которых величественно выделяются их серебристо-белые бороды; у некоторых они ниспадают до пояса»¹⁵.

До своего приезда в Петербург де Кюстин уже побывал в Италии; в Риме он присутствовал на пасхальных богослужениях в Сикстинской капелле. Поэтому он снова и снова возвращается к оценке православных песнопений, сравнивая их с западными. «Всякий музыкальный инструмент изгнан из Греческой Церкви, и одни лишь человеческие голоса воздают там хвалу Господу. Эта строгость восточного обряда благоприятна искусству и, сохраняя всю его простоту, производит впечатление истинно божественное, — пишет маркиз. — Я могу сравнить эти хоры только с *Miserere* в Святую неделю в Риме в Сикстинской капелле, с той только разницей, что теперешняя капелла папы есть только тень того, чем она была когда-то»¹⁶.

Если первоначальной задачей Императорской капеллы была подготовка певчих для придворной церкви, то постепенно в сферу ее деятельности стало входить общее наблюдение за церковной музыкой в России и обучение церковных регентов. Иностранцы, посещавшие Петербург, часто присутствовали на концертах духовной музыки, которые с 1850 года устраивал композитор Алексей Федорович Львов (1798—1870) — директор певческой капеллы с 1835-го по 1861 год. Но и до того времени, как А. Ф. Львов начал свою концертную деятельность, он сделал весьма немало для становления русской церковно-вокальной школы.

Некоторые сведения об этой незаметной для постороннего, но упорной работе знаменитого русского маэстро приводятся в записях леди Блумфильд, которая в феврале 1846 года побывала на репетиции хора: «Я ездила на частную репетицию певческой капеллы Государя и была изумлена и восхищена красотой этой музыки. Было всего 86 певчих, но это еще не полный комплект, так как Государь послал 12 певчих с лучшими голосами в Рим, чтобы по прибытии туда императрица нашла там свой собственный хор»¹⁷. Ничто не может сравниться с прелестью этих голосов; их постепенное нарастание и замирание были поразительны. Генералу Львову, который сам отличный музыкант, Государь поручил заведовать обучением многочисленных хоров гвардейских полков в Петербурге. Львов этим занимался полтора года, после чего однажды пригласил меня послушать их. Было 630 голосов, не считая аккомпанемента. Лучшие голоса — из Белоруссии, но если кто-нибудь во всей империи одарен из ряда выходящим голосом, его приглашают в хор. Музыка Бортнянского оставляет сильное впечатление. Государь очень гордится своим хором. Мальчики (певчие) одеты в простые мундиры. Генерал Львов сочинил русский национальный гимн „Боже, Царя храни!“»¹⁸.

Что касается хора, который выступал в Петербурге, давая концерты духовных песнопений, то в его состав входило не более 14 певчих. «Совершенство, с которым пел под его управлением этот маленький хор, было выше всякой похвалы; нигде в мире нельзя было услышать нечто подобное, — пишет современник А. Ф. Львова. — Поражались стройностью пения в особенности приезжие иностранцы, и даже папский нунций нашел, что наши придворные певчие поют лучше, чем папские певчие в Сикстин-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Император Николай и императрица проводили эту зиму 1845—1846 годов в Палермо для здоровья императрицы, которое было очень слабое» (Осень 1845 года). Из воспоминаний леди Блумфильд // Русский архив, 1899, № 6. С. 223.

¹⁸ Из воспоминаний леди Блумфильд. С. 229.

ской капелле. Впечатление, произведенное нашим пением на нунция, весьма понятно: в папском хоре все поют в унисон, что не представляет особенной красоты, да к тому же ни торжественности, ни величия, ни чувства умиления, ни задушевности, чем именно и отличается наше православное пение, в папском хоре трудно найти»¹⁹.

Еще несколько слов о Сикстинской капелле времени понтификата папы Льва XIII (1878—1903). Отечественный писатель К. А. Скальковский, побывавший в Риме в конце 1880-х годов, пишет: «Нынешний папа по-своему либерал. Осматривая Сикстинскую капеллу, я узнал, например, что, желая подчиниться духу времени, Лев XIII приказал более не принимать кастратов в капеллу, а только сохранять существующих. И так угаснет еще одна черта итальянских нравов! Contralti — как называют официально бедных певцов папской капеллы, — не в первый уже раз подвергаются остракизму. Наполеон I, который любил во все совать свой нос, еще будучи генералом Бонапартом, включил в условия Толентинского мира 1797 года, чтобы папа не делал более кастратов! После падения империи папа Пий VII (1800—1823) не считал себя более обязанным подчиняться договору и contralti снова запищали в Ватикане. Теперь на них новая напасть»²⁰.

Однако для объективности можно привести строки Д. И. Фонвизина, посвященные пению в Сикстинской капелле. В своем письме из Рима (апрель 1785 года) российский писатель немецкого происхождения выражал восхищение папскими певчими. «Наконец погасили в церкви все свечи; сделалось глубочайшее молчание; все встали на колена, и певчие начали петь славный *Miserere*, сочинение Аллегриего, — писал он. — Ничего в свете не знаю, что бы душу так тронуло, как сие пение. Музыка столь проста, что те, кои видят ее написанную на бумаге, удивляются, откуда может произойти неизреченная красота ее»²¹.

О творческой взаимосвязи Сикстинской и Петербургской певческой капеллы свидетельствует Хуан Валера в дневниковых заметках от 6 января 1857 года. «Я посетил концерт придворной певческой капеллы и услышал религиозную русскую музыку, которая известна своим совершенством, — вспоминал испанский писатель. — Мелодии, что звучат в здешних церквях, в большинстве своем, безусловно, принесены в X веке из Константинополя миссионерами и христианами этой страны. Мелодии примитивны, благородно просты и прекрасны: некоторые хоровые мелодии, возможно, пришли из античных греческих трагедий. Поначалу пели все одинаково, и это, как утверждают, было ровным, немного гнусавым пением. Но Екатерина II, все реформировавшая, пожелала преобразовать и музыку, и преобразовала ее. Для этого она послала эмиссаров в Рим, которые затранскрибировали в Сикстинской Капелле античные религиозные песни; и вот из них и из тех, что существовали уже много веков, создали новую музыку, придав ей гармонию, каковой не было прежде.

В певческой капелле, где поют без инструментального сопровождения, только голосом, — от ста до ста пятидесяти певцов, старых, молодых и детей: одни поют глубоким басом, другие контральто, сопрано или дискантом. Все поют так, словно каждый — определенная клавиша или полдюжины клавиш органа, огромного, живого и удивительного; так точно они поют, что представляешь это одним звучащим инструментом, а не человеческим ансамблем. Среди прочего они пели *плегарию* Деве Марии, которая начинается *pianissimo*, словно голоса идут из глубины, а затем — *crescendo* до звучного и сильного финала <...>

¹⁹ Берс А. А. Алексей Федорович Львов // Русская старина, 1900, апрель. С. 154—155.

²⁰ Скальковский К. А. Новые путевые впечатления. СПб., 1889. С. 38.

²¹ Фонвизин Д. И. Собрание сочинений. Т. 2. М.; Л., 1959. С. 555 (Письмо П. Панину из Рима от апреля 1785 года).

Главный композитор религиозной музыки, который жил здесь, именовался Бортнянский. Сейчас тоже есть один знаменитый, который управляет этими певцами, он автор русского „God save the King“²², который исполняли в Москве во время коронации две тысячи певцов в сопровождении не меньшего числа инструментов и пятидесяти или шестидесяти пушек, которые стреляли в определенное время с помощью электрических проводов. Ужасный шум наделали! Многие женщины от волнения родили до срока, а птицы, что пролетали в небе, замертво упали от восторга»²³.

...В Оверни, гористой области в центре Франции, есть прекрасный готический собор Ла-Шез-Дье, знаменитый своими фресками на сюжет «Плясок смерти». В этом соборе, возведенном в XIV веке местным уроженцем папой Климентом VI (1342–1352), известном под названием «Божедом» (Casa Dei, превратившееся в la Chaise Dieu), каждую осень с середины 1960-х годов проводится музыкальный фестиваль, ориентированный по преимуществу на исполнение редко звучащих произведений духовной музыки. В 1995 году кульминацией фестиваля стало первое, спустя почти двести лет, исполнение многочасовой коронационной мессы Наполеона. Лишь сравнительно недавно найденная и восстановленная, она была триумфально исполнена Санкт-Петербургской академической капеллой²⁴.

В 2003 году Академической капелле, бывшей Придворной императорской, исполнилось 300 лет. Этой дате был посвящен фестиваль «Невские хоровые ассамблеи», который проводится с начала 1980-х годов. Фестиваль открылся в Малом зале филармонии 9 октября, в программе вечера прозвучала музыка итальянских мастеров Б. Галуппи, Д. Паизиелло и Д. Чимарозы. Все они работали в Петербурге во второй половине XVIII века, служили в капелле, обучали русских певчих основам теории музыки и композиции, а также писали духовные сочинения для Православной церкви. Именно под их руководством русские композиторы — Бортнянский, Березовский, Фомин — овладели высочайшим мастерством европейской школы²⁵.

Приложение 1. А.-Л. Шлецер. Придворная певческая капелла²⁶

...В один высокаторжественный праздник я присутствовал при богослужении в Императорской придворной капелле, где слышал знаменитую русскую церковную музыку, как известно, только вокальную, без всякого инструментального аккомпанеента, даже без органа. У меня было столько музыкального чувства и знания музыки, что я мог немало удивляться. Вообразите себе постоянный, состоящий на жалованье хор, в котором 12 басов, 13 теноров, столько же альтов и 15 дискантов... и столько же малолетних воспитанников и постоянно подрастающих учеников, непрерывно упражняющихся в пении под руководством директора (в чине полковника) и инспектора (оба они прежде сами были придворными певчими). При ежедневном богослужении в придворной капелле поют только некоторые простым обыкновенным напевом; в воскресные дни, когда присутствует императрица, они поют концертную обедню; но в большие праздники они в полном составе выполняют осо-

²² Боже, Царя храни (англ.).

²³ Валера Хуан. Письма из России. СПб., 2001. С. 82–83.

²⁴ Мейлах Михаил. XXXI музыкальный фестиваль в Ла-Шез-Дье // Русская мысль, № 4207, 29.01–04.02.1998. С. 11.

²⁵ АиФ-Петербург, 2003, № 40. С. 17.

²⁶ Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная (пребывание и служба в России от 1761-го до 1765 года) // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1875. Т. 13. С. 163–164. Август Людвиг фон Шлецер — немецкий историк (1735–1809), с 1762 года адъюнкт при Академии наук в Петербурге; с 1769-го по 1804 год — профессор в Гёттингене.

бенные, нарочно сочиненные Галуппи²⁷ и украинцами (музыкальным народом в России, как чехи в Германии) псалмы, хвалебные песни и другие тексты в полных церковных концертах, в которых пыл итальянской мелодии соединяется с мягкостью греческой. Такой церковный концерт, исполненный так хорошо выученным и таким многочисленным хором, выше всякого описания. Самые нежные (в хоре нет ни одной девушки, ни одного кастрата), звучные и вместе с тем самые сильные голоса, — казалось, что пулты, пред которыми стояли басы, дрожали. Мое удивление здесь ничего не значит, но многие иностранные посланники, слышавшие музыку в Италии, Франции, Англии, также были поражены, а Галуппи, услышав в первый раз этот полный русский церковный концерт, воскликнул: «Un si magnifico cogo mai non hositito in Italia!»²⁸

Музыкальный мир долго восхищался единственным в своем роде Miserere Аллегри (57-м псалмом), который в Страстную неделю поется в папской Сикстинской капелле в Риме, также без всякого аккомпанемента и только в 4 голоса. Но тут певчих всего 32, по восьми для каждого голоса, и три верхние голоса визжат только кастраты (может ли мыслящий человек, еще более — чувствительная женщина слушать с удовольствием самую нежную арию, если ее поют кастраты?). Но вот в чем состоит главнейшее различие: русский концерт занимает только слух; римский, напротив, потрясает в то же время нервы другого чувства, зрения, и ослепляет преимущественно оптическим обманом. Miserere начинается в 7 часов вечера; вся капелла обвешана черным; папа и кардиналы на коленях; у входа горят факелы, в капелле свечи. Во время двух последних хоров, когда такт становится медленнее, постепенно гасят факелы и свечи, и сами певцы, подобно свечам, исчезают один за другим. Какое поражающее действие должно все это производить на присутствующих слушателей и зрителей! Crescendo и pianissimo этого Miserere всякий назовет неподражаемыми; но разве русский церковный хор не мог бы подражать ему или даже превзойти его? Весною 1782 года мне нужно было бы остаться в Риме 4 недели, если бы я захотел видеть и слышать чудеса Miserere. Кардинал Нузан был так добр, что обещал мне и всему моему дорожному обществу доставить самые лучшие места, и не мог понять, что я для одного этого не прождал еще месяц. Я не мог, и меня это не очень печалило: моя русская гордость не позволяла мне ожидать, что я здесь услышу то, чем уже наслаждался в Петербурге; а добавки для зрения вознаградили воображением...

ЦЕРКОВЬ МИХАЙЛОВСКОГО ДВОРЦА

Сам дворец или замок, известный ныне как Инженерный, был выстроен в 1797—1800 годах по распоряжению императора Павла I. Но возведению замка предшествовала долгая история. В 1782 году великий князь Павел Петрович и его супруга вернулись в Россию из длительного заграничного путешествия. Увиденные ими шедевры европейской архитектуры поразили наследника престола. Особенно заинтересовал его замок-крепость Капрарола близ Рима, принадлежащий к грандиознейшим и оригинальным постройкам мирового зодчества. Его возвел в XVI веке архитектор Б. Перуцци для Пьетро Луиджи Фарнезе, сына кардинала Александра, будущего папы Павла III. В заграничном путешествии в числе приближенных Павла Петровича сопровождал швейцарский художник и архитектор А.-Ф.-Г. Виоллье, которому суждено было стать первым помощником великого князя в создании его новой резиденции.

²⁷ Бальдассаре Галуппи (1706—1785) — итальянский композитор, прославившийся преимущественно комическими операми. Во время своего пребывания в Петербурге он сочинил 4 духовно-музыкальных пьесы (3 концерта и 3 мелкие пьесы), которые, по отзыву знатоков, хотя и составлены по всем правилам музыкальной гармонии, но по характеру своему не удовлетворяют требованиям церковной музыки (см.: Общественная и частная жизнь А.-Л. Шлецера... С. 163. Примечание).

²⁸ «Столь благородного сердца я никогда не слышал в Италии!» (итал.). — *Примеч. ред.*

По приезде в Россию Виоллье принялся интенсивно работать над многочисленными сооружениями Павловска и Гатчины, а вскоре и над проектами будущего Михайловского замка. По его признанию, он «выполнил под диктовку Монсеньора (т. е. Павла) первые планы для дворца св. Михаила. Эта работа длилась два года со многими вариантами, которые бесконечно множились...»²⁹ На первых порах скромное дарование Виоллье позволяло вычерчивать множество вариантов планов будущей резиденции. Но через два года возник качественно иной этап проектирования. Теперь требовались архитекторы другого масштаба, мыслящие крупными объемами, понимающие толк в градостроительстве, в создании впечатляющих ансамблей. Поэтому с 1786 года Виоллье перестал помогать Павлу, его место заняли другие. А сам он продолжил свою деятельность при Малом дворе. Примечательно, что приехавший к этому времени в Петербург Винченцо Бренна сотрудничал с ним в роли помощника.

В марте 1797 года строитель Михайловского замка Винченцо Бренна преподнес императору Павлу I богато оформленный альбом проектных чертежей здания. Посвятельную надпись зодчий предварил латинским изречением «*Nic opus, his labourest...*» («Это действительно трудно...»). Бренна больше, чем кто бы то ни было, знал сложную и трудную историю рождения проекта этой величественной постройки³⁰.

В процессе изучения истории проекта удалось обнаружить документальное подтверждение участия В. И. Баженова в проектировании Михайловского замка. В архиве Государственного Эрмитажа есть каталог утраченной библиотеки Павла I. Судя по имеющейся в нем записи, в библиотеке императора хранилось несколько «портфелей» с более чем сотней проектных листов, планов и фасадов Михайловского замка, причем отдельно числился проект Баженова, состоявший из восьми листов. Сопоставление облика существующего здания с известными на сегодняшний день проектными листами привело к неожиданному результату. Оказалось, что только главный южный фасад здания с его мощными обелисками — своеобразными символами всего строения — решен в соответствии с замыслом Баженова. Композиции остальных трех фасадов явно заимствованы из раннего, «европейского», проекта, автор которого пока неизвестен.

Стало очевидно, что Винченцо Бренна, назначенный Павлом в 1797 году строителем замка, возводя здание, соединил части разных проектов, творчески переработав их и обогатив пластическое решение фасадов. Но есть все основания уверенно предполагать, что именно Павел предписал зодчему скомбинировать наиболее удачные, с его точки зрения, части разных проектов³¹.

Что же касается церкви, устроенной в замке, то с ее названием связана еще одна история. Павлу, по преданию, во сне явился архангел Михаил и велел основать церковь на месте старого Летнего дворца... Об этой версии упоминает французский автор Шарль Массон, в течение ряда лет живший в Санкт-Петербурге при дворе Екатерины II и Павла I.

Некий часовой, стоявший на карауле возле одной из дверей Летнего дворца (так называется старый деревянный замок, в котором жила Елизавета), обратился к своему начальнику, утверждая, что желает раскрыть тайну, — пишет Массон. — Он поведал ему, что во время своего караула он увидел свет в заброшенных залах дворца, что постучали в дверь помещения, где он находился, и окликнули его по имени. Тогда он набрался мужества, поглядел в щелку двери и узрел архангела Михаила. Тот приказал ему отправиться от его имени к императору и передать, чтобы в этом месте

²⁹ Метлицкий Борис. В посвящении императору он писал... // Санкт-Петербургские ведомости, 28.10.1995. С. 4.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

выстроили церковь в честь этого святого. Солдат просил вследствие важности этого происшествия сообщить о нем императору, или ему самому придется взять на себя эту вольность, дабы выполнить данное поручение.

Офицер не поверил ясновидцу и решил, что он сумасшедший. Между тем он рассказал об этом приключении майору, который нашел уместным передать историю Павлу. Солдат был вызван; его заставили повторить рассказ о виденном. Император сказал, что св. Михаилу нужно повиноваться, что он и сам уже получил свыше веление возвести такую церковь и имеет ее план. Он действительно велел принести план церкви, который хранился у него в кабинете. Не правда ли, трудно удержаться от мысли, что читаешь эпизод какой-то легенды? Но факт только то, что в декабре месяце 1796 года имел место при российском Дворе: автор отчасти был его свидетелем. Дворец сломали, начали строить церковь и новый дворец, посвященные его святейшему архангелу Михаилу. Господи помилуй (так обыкновенно восклицают русские при виде чего-либо необычайного, осеняя себя крестным знамением; это также богослужебный припев)! Чудо разъяснилось, когда стало известно, что двоюродный брат часового был камер-лакеем Павла, а сам солдат получил такое же место в награду. Следует ожидать, что в скором времени мы увидим его в чине статского советника³².

Эта история существует не в одной мемуарной записи. «С самого начала царствования Павла I рассказывали, что часовой в Летнем дворце видел Михаила Архангела и даже имел с ним разговор, точный смысл которого не был известен. Как бы то ни было, Летний дворец решено было сломать и государь <...> положил первый камень в фундамент Михайловского дворца, на том же самом месте, где был Летний дворец»³³. «Сперва не хотел никто тому верить, что он [часовой] и сержанту, а потом и караульному офицеру самое то же под клятвою рассказывал, то сочли они за нужное <...> довести историю сию и до самого государя»³⁴.

Постройка производилась в огромной спешке: император словно чувствовал, что ему отмерен недолгий срок царствования. Так как материалов (в частности — мрамора) для строительства и отделки интерьеров зачастую не хватало, то их просто демонтировали с других городских построек, законченных или незаконченных, в том числе — с Исаакиевского собора. Золоченую надпись, предназначенную для Исаакиевского собора, укрепили на фризе главного фасада из отечественного порфира Михайловского замка: «Дому твоему подобае̄тъ святыня Господня въ долготу дней»³⁵. Одна из городских юридичеких предрекла, что за это Павел проживет столько лет, сколько букв в надписи — сорок семь. Предсказание сбылось — он был убит на сорок седьмом году жизни.

Закладка Михайловского замка состоялась 26 февраля 1797 года, замок был совершенно готов к 8 ноября 1800 года, когда и был торжественно освящен в присутствии императора. Тогда же освятили находящуюся при нем церковь архангела Михаила, отчего и сам дворец стал именоваться Михайловским. «8-го ноября 1800 года, в Михайлов день и в то же время день восшествия на престол государя, происходило торжественное, при громе пушек, освящение замка, — пишет Генрих Реймерс. — Царское шествие последовало из Зимнего дворца, в сопровождении всей царской фамилии и двора, мимо войска, стоявшего шпалерами на всем пути. Государь с князьями и свитою ехали верхом; императрица, княжны и придворные дамы ехали в парадных каретах. Цер-

³² Массон Ш. Секретные записки о России. М., 1996. С. 103—104.

³³ Головина В. Н. Мемуары. М., 1911. С. 201.

³⁴ Болотов А. Т. Записки очевидца. Воспоминания. Дневники. Письма. М., 1989. С. 255.

³⁵ Песнь пятая 92-го псалма в переводе звучит так: «Дому Твоему подобае̄тъ святыня, Господи, въ долготу дней».

ковь замка и все покои были затем освящены, и в первый раз государь обедал здесь с своим семейством. Но только 1-го февраля 1801 г. его величество перешел сюда на постоянное пребывание»³⁶.

В числе первых иностранцев, посетивших новый придворный храм и оставивших о нем воспоминания, был принц Вюртембергский Евгений, родной племянник императрицы Марии Феодоровны. В 1801 году, во время посещения российской столицы, он побывал и в Михайловском замке. «Из приемных комнат император отправился в аудиенц-залу, ведя под руку императрицу, а когда окончилось представление, все присутствующие двинулись в дворцовую церковь; государь со своею августейшею супругою заняли царское место, а прочие, в том числе и я, стали посреди церкви, — пишет принц Евгений. — Я встал возле молодой дамы, которая во время богослужения нашла случай объяснить мне значение некоторых обрядов православного богослужения. Стройное пение певчих, которое надобно слышать, чтобы понять сильное впечатление, какое оно производит на восприимчивую душу, подействовало на меня так глубоко, что я унесся духом в иной, высший мир. Особенно горячо молилась моя соседка, когда во время ектеньи было произнесено имя наследника-цесаревича: „На него надобно смотреть, как на Спасителя, — сказала она, — он должен быть вашим кумиром“. Эти слова были пророческие; они выражали те чувства, которые я питал к Александру в первые годы его царствования»³⁷.

Детальное описание Михайловской церкви приводит в своих заметках известный немецкий писатель Август Фридрих Фердинанд Коцебу (1761—1819). (Его сын Отто был известным мореплавателем и совершил три кругосветных плавания в составе русских экспедиций.)

Август Коцебу встретился с императором Павлом I в Петербурге незадолго до гибели последнего во время дворцового переворота; по словам немецкого писателя, он видел императора Павла «11 марта, в первом часу, следовательно, за 20 часов до кончины, и говорил с ним в последний раз»³⁸. (Несколько ранее с Павлом I виделся принц Евгений Вюртембергский. «До 9-го (21) марта в моей жизни не произошло ничего особенного, — пишет он. — По утру 12-го (24) марта, г. фон-Требра объявил мне о кончине императора Павла»³⁹.)

Пользуясь благорасположением императора, Август Коцебу смог детально исследовать резиденцию Павла I. Вот что он сообщает о придворном Михайловском храме: «Церковь выдается из второго фасада полукругом, — сообщает немецкий писатель. — Она облицована серым сибирским мрамором и барельефами, изображающими 4-х евангелистов; по карнизам помещены ангельские головки, а в нишах две статуи — Веры и Религии. На аттике с обеих сторон креста стоят статуи апостолов святого Петра и святого Павла. Куполом церкви служит вызолоченная башня. Она окружена 4-мя канделябрами, также из вызолоченной бронзы. Над воротами, находящимися невдалеке от церкви, на черной мраморной доске надпись: „Рождественские“»⁴⁰.

Генрих фон Реймерс: «На церковном фасаде, над четырьмя ионическими колоннами в нишах стоят статуи Религии и Веры, а над ними — четыре барельефа русского скульптора Соколова, изображающие евангелистов. Вокруг — карниз с головами ан-

³⁶ Реймерс Генрих. Петербург при императоре Павле Петровиче в 1796—1801 гг. // Русская старина, 1883, № 9. С. 474.

³⁷ Из записок принца Евгения Вюртембергского // Русская старина, 1894, № 11. С. 169. См. также: Принц Евгений Вюртембергский и его записки // Военный сборник, 1864, № 8. С. 284.

³⁸ Коцебу Август. Достопамятный год моей жизни. Воспоминания. Ч. II. СПб., 1870. С. 137.

³⁹ Из записок принца Евгения Вюртембергского // Русская старина, 1894, № 11. С. 170.

⁴⁰ Коцебу Август. Указ. соч. С. 109.

гелов. На аттике помещены статуи апостолов Петра и Павла. Вокруг золоченого шпиля на куполе церкви — четыре канделябра; и они, и шар, и крест сделаны из золоченой бронзы»⁴¹.

Август Коцебу приводит настолько подробное описание Михайловской церкви, что сегодня, когда ее интерьер частично утрачен, эти заметки приобретают особую ценность. «В нижнем этаже, кроме неоконченного маленького театра, помещается только одна церковь, — продолжает писатель. — 14 цельных ионических колонн из сердобольского гранита, с карнизами и цоколями из полированной бронзы, поддерживают хоры. Алтарь имеет вид 8-угольника из белого и черного мрамора; в него ведут трое дверей. Царские двери из массивного серебра с просветами; в них 6 медальонов на меди, работы профессора Джиовенко. Над дверями блещет сияние из серебра с инкрустацией из бронзы и ляпис-лазури. Запрестольный образ изображает Тайную Вечерю, работы Акимова, профессора Академии. Направо и налево от царской двери возвышаются прекрасные порфиновые колонны коринфского ордера с карнизами и цоколем из бронзы; подножие украшено местами ляпис-лазурью. Пред образами висят серебряные паникадила, а посредине золотая лампада, украшенная бриллиантами. На самом верху, в углублении, виднеется изображение Архангела Михаила (работы Смуглевича), покровителя Церкви, низвергающего демонов в пропасть... В куполе плафон работы Карла Скотти, изображающий Святую Троицу, окруженную головами ангелов... 4 трибуны по обеим сторонам алтаря с балюстрадами из мрамора и бронзы предназначались для царского семейства...»⁴²

Генрих фон Реймерс: «Из внутренних покоев императора есть выход на галерею замковой церкви, украшенную мраморным ограждением с золочеными бронзовыми перилами. Здесь 14 ионических колонн шлифованного сердобольского гранита, каждая из цельного куска, с капителями и цоколями из полированной бронзы, несут на себе хоры. Главный алтарь — восьмиугольник из черного и белого мрамора, в него ведут три двери, средник — из массивного серебра, с шестью медальонами, выгравированными на меди профессором Живенко; над дверями — сияние из серебра, облицовка из ляпис-лазури и бронзы. Алтарная картина представляет „Тайную вечерю“ Акимова, профессора Академии. Перед образами висят серебряные лампы, в центре — паникадильное золотое, богато украшенное бриллиантами. В куполе — Троица в облаках, окруженная головами ангелов, работы Карло Скотти»⁴³.

Генрих фон Реймерс нас ведет в жилые комнаты покойного императора: «Простая передняя украшена семью картинами Карла Ванлоо, изображающими сцены из легенды о св. Григории. Рядом библиотека, а дальше спальня императора. Здесь на белой стене висели картины с пейзажами Воувермана и ван дер Мейлена. Маленькая походная кровать без полого, лишь окруженная ширмой, стояла у стены посередине; над кроватью (на которой после смерти императора тело его оставалось еще два дня в соответствии с ритуалом прощания) висела картина Гвидо Рени „Ангел“»⁴⁴.

После кончины императора Павла I Михайловский замок утратил свое значение. В 1819 году он был передан Главному инженерному училищу. Отсюда его второе название — Инженерный. Когда здесь было основано Инженерное училище, помещение церкви поделили на два яруса — на втором Его Высочество Николай Павлович учредил собственную чертежную мастерскую. Но в церкви продолжались службы. Церковь Св. архангела Михаила посещалась теперь воспитанниками училища: в стенах ее испо-

⁴¹ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.; Росток, 2007. С. 310–311.

⁴² Коцебу Август. Указ. соч. С. 128–129.

⁴³ Реймерс Генрих фон. Указ. соч. С. 315.

⁴⁴ Там же. С. 314.

ведовались Федор Достоевский и Дмитрий Григорович, венчался Михаил Глинка. В училище окончил курс Дмитрий Александрович Брянчанинов, будущий епископ Игнатий, в 1988 году причисленный Русской православной церковью к лику святых.

Об этом замке в своих записках упоминает Джеймс Эдвард Александер. Будучи военным, он заинтересовался историей того заведения, которое разместилось под сводами Михайловского замка. «Михайловский замок в первую очередь примечателен тем, что в нем убили Павла I. Это очень красивое сооружение расположено недалеко от Мраморного дворца; фасад замка выходит на прохладные аллеи Летнего сада, — пишет английский офицер. — После трагического события из замка убрали дорогую мебель и здание передали Военно-инженерному училищу»⁴⁵. (Главное инженерное училище выросло из инженерной школы, основанной в 1804 году; его воспитанники изучали предметы, связанные со строительством и содержанием крепостей и военных зданий.)

...После Октябрьской революции церковь закрыли, затем здесь располагался небольшой Военно-инженерный музей. В годы Великой Отечественной в замковой церкви разместился госпиталь. В летописи Михайловского замка есть малоизвестная страница, относящаяся к 1944—1945 годам. Об этой истории повествует испанский литератор Хосе Фернандес Санчес (р. 1927) — библиограф, эссеист, переводчик (в частности, перевел на испанский язык «Слово о полку Игореве»). В 1937 году, после гибели отца на фронте, вместе с группой испанских детей он был привезен в СССР. В Ленинграде жил в 1937-м и 1944—1946 годах.

«В конце 1944 года было уже ясно: война близится к завершению, — вспоминал Х.-Ф. Санчес. — Мы все были заняты поисками жилья, когда пришел приказ отправить группу — примерно из тридцати человек — на учебу в Военно-инженерную школу в Ленинграде. Итак, мы выехали в Ленинград <...> Наша школа находилась на Садовой улице, в центральной части старого города, рядом с Летним садом. Школа помещалась в величественном здании: старинном петербургском дворце — кирпичного цвета, квадратном в плане, с закругленными выступами, с позолоченным шпилем на крыше. Это здание, которое ныне называется Инженерным замком, было построено императором Павлом I как новая царская резиденция. Одержимый маниакальной идеей, что его хотят убить, император повелел опоясать здание рвом с водой, и к самому замку можно было подойти только по мостам, которые с наступлением ночи поднимались. У всех помещений во дворце имелось по две двери, чтобы — в случае опасности — бежать. Таким образом, переходя из комнаты в комнату, можно было обойти все здание. Но все императорские предосторожности оказались тщетными: спустя месяц с небольшим, как Павел обосновался в замке, в мартовскую ночь 1801 года он был убит в своей спальне.

Позже в замке разместили Главное инженерное училище. Самый знаменитый его воспитанник — Федор Достоевский; он поступил в училище тридцать семь лет спустя после царубийства. Испанский взвод поселили как раз в спальне Достоевского. От времен Достоевского в ней не осталось ничего, кроме крыс, которые, вероятно, жили здесь и в эпоху Павла I. Они были огромны, как кошки, и однажды ночью сожрали намазанные клеем нашивки всего взвода. Утром, прежде чем обуться, мы вытряхивали из сапог забравшихся туда крыс <...>»

Позже уникальный памятник был передан Ленинградскому центру научно-технической информации. Впоследствии здесь располагались десятки организаций, которые довершили превращение дворца в контору с выкрашенными в серую краску коридорами, клетушками отделов. До наших дней помещение церкви дошло с существенными изменениями. Тем не менее сохранился великолепный иконостас, выполненный из редких и ценных камней — черно-белого мрамора, порфира и лазурита. Можно счи-

⁴⁵ Александер Джеймс. Россия глазами иностранца. М., 2008. С. 46.

тать чудом, что в самом иконостасе сохранилась уникальная живопись павловской эпохи кисти художников академической школы. По обеим сторонам царских ворот — изображения Богоматери и Спасителя, на боковых дверях алтаря — архангелов Михаила и Гавриила. Над воротами — изумительная икона «Тайная вечеря» работы талантливого выпускника Санкт-Петербургской академии художеств Ивана Акимова⁴⁶. Здесь и композиция «Архангел Михаил, низвергающий демонов в бездну» Франциска Смулевича, о которых упоминает в своих записках Август Коцебу. Однако в этом едва ли не единственном сохранившемся ансамбле алтарной живописи домового храма конца XVIII столетия самое замечательное творение — «Моление о чаше» Андрея Иванова, — которое также, пережив все перипетии двухвековой истории, дошло до наших дней.

В 1991 году было принято постановление Министерства культуры о подготовке к столетию Русского музея, в рамках которого Михайловский замок передан под юрисдикцию музея. Предполагалось, что к 1996 году ЦНТИ должен полностью освободить занимаемые им помещения. В той части замка, которая уже была передана, стали организовываться выставки. На одной из них — «Религиозные сюжеты в русской гравюре XVII—XIX веков» — в июне 1991 года экспонировалась модель церкви архангела Михаила из знаменитой модельной мастерской музея Академии художеств. Чертежи архитектора В. Бренны позволили познакомиться с историей строительства замка и храма⁴⁷. В наше время реставрация интерьера церкви полностью завершена. Восстановлены плафонная роспись, барельефы, паркет. Интерьер приобрел первоначальный сиренево-голубой оттенок, столь созвучный сумраку петербургских белых ночей...

...Распахиваются тяжелые двери, и мы попадаем в роскошный зал с рядами гранитных колонн и золоченой ажурной оградой, отделяющей алтарную часть храма. Необычной формы (многогранный) и материала (из разноцветного мрамора) иконостас, в центральной части которого две пары порфириновых колонн покоятся на постаментах, инкрустированных лазуритом. В центре — посеребренные царские врата. Над ними образ «Тайная вечеря».

Последний аккорд экскурсии по Михайловскому замку — трагическое место — опочивальня императора. Когда-то это была обширная, отделанная белыми деревянными панелями комната с довольно скромным убранством. Камин и печь, два окна в сторону нынешней Садовой улицы. Глядя из них, невольно вспоминаются ахматовские строки: «Меж гробницами внука и деда притаился взъерошенный сад...» Михайловский замок — место убийства Павла I, храм Спаса на Крови — место трагической гибели его внука — Александра II. Между ними — Михайловский сад. И еще одна мистическая связь: именно Александр II в опочивальне своего деда, ставшей местом страшной драмы, в 1857 году приказал соорудить церковь святых апостолов Петра и Павла. По преданию, Александр II один раз в год приезжал туда для уединенной молитвы: в царской семье отношение к убитому самодержцу было глубоко почтительным. Но и его не спасла судьба: он погиб, как и дед, мучительно и тоже в марте...

Интерьер этой церкви почти полностью сохранился до нашего времени, за исключением алтарной части. Это самое досадное, поскольку именно в данном месте когда-то и стояла та самая кровать, что обагрилась кровью самодержца. И тысячи ног проходят сейчас там, где насильственно был лишен жизни самый «романтичный» русский император...⁴⁸

Эти строки датируются 1998 годом. А в 2021 году в Петербурге отметили 220-ю годовщину со дня гибели императора Павла I. Памятная акция началась возложением

⁴⁶ Сидорова Наталья. Тайны старого замка // Санкт-Петербургские ведомости, 06.11.1991. С. 4.

⁴⁷ Ленинградская правда. № 146, 27.06.1991.

⁴⁸ Кузнецова Е. «Забвенью брошенный дворец из Леты вынырнул» // газета «Стрела», 1998, № 9. С. 2.

цветов на его могилу в Петропавловском соборе, а затем продолжилась в Михайловском замке — у памятника государю. Инициаторы без преувеличения назвали событие беспрецедентным: на этом месте подобных церемоний, посвященных Павлу I, никогда еще не происходило. Широкой публике был представлен памятный знак на месте гибели императора, место гибели главы государства известно, но почему-то до сих пор никоим образом не отмечено. Дело в том, что помещение опочивальни, где был убит Павел, в середине XIX века было переделано, на ее месте была создана церковь во имя Петра и Павла. В советское время была еще одна перестройка, и алтарная часть превратилась... в проходной коридор⁴⁹.

Предполагается, что после завершения реставрации этой части здания памятный знак будет здесь установлен. Памятный знак представляет собой вертикальную деревянную конструкцию, декорированную треугольным фронтоном на двух колоннах и украшенную балясинами. В центральной части — православный крест и памятная надпись, выгравированная на латунной табличке. Она сообщает, что на этом месте мученически погиб император Павел I, «инициатор масштабных реформ в различных областях государственного управления». И приводится его высказывание: «Я желаю лучше быть ненавидимым за правое дело, чем любимым за дело неправое»⁵⁰.

---

⁴⁹ Глезеров Сергей. Почтение императору Павлу // Санкт-Петербургские ведомости. 26.03.2021. С. 4.

⁵⁰ Там же.